

КОНЦЕПТ ОБЪЕКТИВНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: ladaship@gmail.com

В статье рассматривается современная противоречивость объективности в философии науки. С одной стороны, она признается критерием научности, научной ценностью и добродетелью ученых. С другой, обнаруживается ее дискуссионный статус, нередуцируемая сложность, подвергается сомнению ее актуальность. Предлагается работа с концептом объективности, которая должна раскрыть проблему, ради которой он возникает, трансформируется в истории, показать, как становится актуальным многообразие смыслов объективности и сомнение в ее значимости. Такая работа связывает философию науки и историческую эпистемологию, а также демонстрирует расширение сообщества тех, кто, возможно, заинтересован в сохранении объективности. В ходе работы объективность, во-первых, раскрывается в своих истоках как концепт, отвечающий на проблему связи элементов познания, и трактуется в своей посреднической функции. Во-вторых, объективность трактуется как регулятивный идеал, в стремлении к которому происходит преодоление субъективности познающего. В-третьих, объективность объясняется в своей историчности, понятой как способность возобновляться в реагировании на изменяющуюся проблему. Слабость концепта, приводящая к сомнению в объективности, раскрывается через ее уклонение в объективизм. Сохранение силы концепта связывается с возможной заинтересованностью в нем современного сообщества ученых и исследователей науки, а также с его интерпретацией, включающей не преодоление, но открытие границ субъективности познающего.

Ключевые слова: научная объективность, историческая эпистемология, научное сообщество, объективизм, открытость

THE CONCEPT OF OBJECTIVITY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY OF SCIENCE

Lada V. Shipovalova – DSc in Philosophy, Professor. Saint Petersburg State University. 11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russian Federation; e-mail: ladaship@gmail.com

The article examines the contemporary contradictions surrounding objectivity in the philosophy of science. On the one hand, historians and philosophers of science regard objectivity as a criterion of scientificity, a marker of scientific value, and a scientific virtue. On the other hand, they highlight its contested status, irreducible complexity, and question its continued relevance. The article proposes a framework for engaging with the concept of objectivity, one that reveals the historical problems it addresses, traces its transformations over time, and demonstrates how the diversity of its meanings as well as doubts about its significance remain relevant today. This approach bridges the philosophy of science and historical epistemology while also illustrating the growing community of stakeholders invested in preserving objectivity. In this analysis,

objectivity is explored in three key dimensions. First, it is examined in its origins as a concept that addresses the problem of connecting the elements of cognition, emphasizing its mediating function. Second, objectivity is interpreted as a regulative ideal, the pursuit of which seeks to overcome the subjectivity of the knower. Third, it is analyzed in its historicity, understood as its capacity to renew itself in response to evolving challenges. The article identifies the weakness of the concept, which leads to skepticism about objectivity, as its tendency to devolve into objectivism. Conversely, its strength lies in its potential to engage the modern scientific community and researchers of science, particularly through interpretations that do not seek to eliminate subjectivity but rather to expand its boundaries.

Keywords: scientific objectivity, historical epistemology, scientific community, objectivism, openness

Введение

Объективность в философии науки давно и не без оснований признается критерием научности, научной ценностью, а с некоторых пор и эпистемической добродетелью ученых. В то же время не умолкают споры относительно ее статуса и значения. Историки и философы науки раскрывают ее «нередуцируемую сложность» [Duglas, 2004] и историческую изменчивость [Степин, 2000; Daston, Galison, 2010]. Они используют ее как аргумент в «научных войнах», защищают от вызовов со стороны «постнормальной науки» или считают утратившим актуальность критерием научности, по крайней мере для современных гуманитарных и социальных наук. В условиях противоречивой значимости объективности актуальны вопросы: не стоит ли оставить в стороне как избыточные философско-научные дискуссии об объективности, признав право ее относительно незаинтересованного обсуждения только за историками науки? Не следует ли перестать заботиться о смысле этого концепта и предоставить объективности возможность скрытого присутствия в научных практиках и экспертной деятельности ученых, тревожащихся об общественном доверии их результатам, о реальности их объектов или об основаниях научного консенсуса [Hacking, 2015]? Более того, не стоит ли признать лишь относительную релевантность объективности, часто проигрывающей в современных научных исследованиях в убедительности другим характеристикам научности? В статье предлагается дать конструктивный ответ на такие вопросы, а также обосновать значение и продемонстрировать возможность концептуальной работы с объективностью в философии науки.

Что можно сказать о содержании такой работы¹? Во-первых, она включает раскрытие проблемы, в ответ на которую концепт объективности возникает, ради которой существует и возобновляется. Выявление многообразия смыслов объективности и того, что она имеет историю, в частности, в текстах Л. Дастон и П. Галисона, представляет собой подступы к проблеме, но не раскрывает ее. Концепт не может иметь точного терминологического определения, потому он будет показан в своей медиативной функции, в установлении связи между образами и смыслами, в своем становлении и развитии, объясняющем то, как стало возможным его содержательное многообразие, как становятся актуальными современные сомнения и как эти сомнения можно разрешить. Такая работа представляется не только философской, но и исторической, историко-эпистемологической. Во-вторых, концепт объективности трактуется как встраивающийся в реальность практик научного познания. Заинтересованная апелляция к нему может раскрывать проблематичность этих практик, способствовать их организации и приводить к их изменению. В процессе своего становления и развития концепт объективности приобретает друзей² или авторов, тех, кто заинтересован, зависим в своей идентичности от признания или отрицания концепта, а также от конкретности его содержания. Потому предлагаемая работа включает внимание и даже, возможно, присоединение к тем, кто признает и разделяет значимость объективности, к тем коллективным практикам, в которых этот концепт обретает смысл, а признающие его – определенность сообщества. Такая работа с концептом должна быть не только философской и исторической, но и отчасти социальной, социально-эпистемологической.

¹ Само понятие концепта, определяющего содержание этой работы, уже давно оказывается предметом серьезных исследований в отечественной традиции, в частности в логике, психологии, филологии и истории философии. В нашем контексте соответствующие исследования учитываются только в самом общем виде. Предлагаемая работа отталкивается от идей Ж. Делёза и Ф. Гваттари о философском концепте, возникающем «ради проблемы», автореферентном, находящемся в становлении и включающим множественность связанных элементов [Делёз, Гваттари, 1998, с. 25–47]. Кроме того, она отчасти пересекается с концептуальной инженерией, развиваемой в отечественной эпистемологии [Грифцова, Козлова, 2024].

² Использование в тексте словосочетания «друзья концепта» не столько отсылает к изначальному смыслу философии, сколько подчеркивает способность концепта объективности объединять в сообщество тех, кто признает ее значение. В этом смысле и ученые, которых описывают Л. Дастон и П. Галисон в тексте *Объективность*, могут считаться «друзьями концепта», поскольку они апеллируют к объективности, работая с атласами и другими научными объектами, наполняя ее конкретным содержанием.

Концепт объективности предстает как предмет философии науки. Его проблемность может быть истолкована в двух смыслах. Во-первых, это условие возникновения и исторического изменения концепта. В современности оно связано с противоречивым отношением к значимости объективности. Результат работы, которая будет представлена ниже, должен прояснить, как такое отношение стало возможно, а также то, как, несмотря на него, можно сохранить объективность. При этом позиция современных философов и других исследователей науки будет раскрыта также через их заинтересованность в объективности своего обращения к науке. Во-вторых, проблему на метауровне составляет то, что сама значимость работы с концептом объективности может быть поставлена под вопрос: заложена нейтральным исследованием многообразия ее значений либо заменена ее более или менее скрытым присутствием как ценности или добродетели в научных практиках. Вторая задача работы состоит в ответе на такие сомнения, в обосновании значения возобновления концептуальной работы с объективностью. Такое обоснование предполагает, что выявленные в ходе работы аргументы и предложенное истолкование смысла объективности окажутся не только признанными, но и уместными в практиках научного познания. Поэтому полное решение второй задачи должно оставаться лишь методом надежды.

Ради какой проблемы концепт объективности возникает и обретает историю?

Исток истории объективности³ можно искать там и тогда, где возникает соответствующий философский термин – *conceptus obiectivus* – в поздней схоластике. Такой поиск начала научной объективности оправдан идеями современных историков науки. Так, Л. Дастон отмечает, что Кант, используя объективность, извлекает «из забвения» термин, «имевший ранее вполне определенное и отличающееся от современного схоластическое употребление» [Дастон, 2007, с. 47]. Истоки же кантовского коперниканского поворота в его значении для современной науки можно находить в так называемом трансцендентальном развороте, осуществляемом поздними средневековыми философами, начинающими предполагать, что сущее в его бытии соотносится с его познанием. На какую проблему в этом контексте

---

³ Говоря далее об объективности или научной объективности, ее истоках, истории, многообразии смыслов и современной проблематичности, мы имеем в виду философско-научный концепт объективности. Научной объективностью становится с XIX в., о чем пишут историки науки.

отвечает *conceptus obiectivus*? Историки философии отмечают его медиативную функцию, возможность связывать в познавательном отношении две различные актуальные «вещи» – познающий интеллект и познаваемое материальное сущее [Cronin, 1956, p. 124]. *Conceptus obiectivus* оказывается средним термином и может трактоваться и как понятие в уме, и как вещь, представляемая умом. Первое толкование знакомо нам в том числе благодаря исследованиям отечественных историков философии [Вдовина, 2007, с. 145]. Связь со вторым мы можем найти, например, в *Философском Лексиконе (1613)* Р. Гокле-ниуса в раскрываемом им термине достоверности, которая может быть объектной и субъектной⁴. Некоторые историки философии отмечают неслучайную двойственность (идеалистическую и реалистическую) интерпретации средневекового предшественника объективности [Pereira, 2007, p. 30]. Следует подчеркнуть, что объяснение этой двойственности лежит в функции концепта, появляющегося *ради проблемы связи* различных, но равно необходимых элементов познания. «Друзьями концепта» в этом случае оказываются философы, отвечающие посредством него на вопрос о том, как возможно познание сущего человеческим интеллектом, схоласты и иезуиты, уточняющие значение существенных для этого процесса терминов⁵.

Отголоски функции посредника, связывающего познаваемую реальность и реальность познающего, звучат в современных исследованиях объективности. Например, П. Галисон отмечает, что история объективности, в которой перемешаны этические, связанные с познающим, и эпистемические, связанные с познанием и его объектом, проблемы, разворачивается в изменении «границ между нами и миром вокруг нас» [Galison, 2015, p. 58]. Следы такого понимания мы находим и у современной исследовательницы Х. Лонжино, выделяющей два смысла объективности – один характеризующий наши представления о естественном мире как таковом и второй относящийся к самому исследованию, к научному взгляду, использующему не произвольные и не субъективные критерии. При этом Лонжино замечает, что объективность во втором смысле служит условием объективности в первом [Longino, 1990, p. 62–63]. Здесь первоначальная посредническая функция концепта скрывается за причинной связью его двух современных смыслов. В этом контексте следует подчеркнуть, с одной стороны, дискуссионность отдельной актуализации первого смысла, например, в объектно ориентированной онтологии или в целом в так

⁴ «Достоверность есть прочность и неизменность некоторой истины. Существует достоверность объекта, то есть вещи познаваемой, которую в противном случае невозможно познать, и достоверность субъекта, то есть Человека познающего... И та, и другая достоверность необходимы в науке» [Goclenii, 1968, p. 361].

⁵ История трансформации соответствующих понятий в трудах иезуитов XVII в. представлена в [Dear, 1992].

называемом современном онтологическом повороте. Тезис об объективности как отношении представления к независимой реальности проблематичен, поскольку реальность, поставленная в отношение, не может считаться полностью независимой. Такой тезис требует дополнительной работы для того, чтобы не считаться наивным. Однако, с другой стороны, сложно не признать значение вопроса о *существовании* объектов исследования для современной науки⁶.

Как правило, классическое философское понимание объективности, основания которого формулируются Гегелем в *Науке Логике*, представляет два элемента познания – познающего субъекта и познаваемую вещь – посредством уже разделенных смыслов концепта. В первом смысле объективное определяется как характеристика «существующего во внешнем мире в отличие от только субъективного – мнения, мечтания и т.д.» [Гегель, 1974, с. 156]. Второй – Гегель называет его кантовским – смысл объективности задается субъектом в его всеобщности, а также характеризуется *преодолением* «принадлежащего нашему ощущению случайного, партикулярного, субъективного» [Там же]. Отмечаемая Гегелем в этом же контексте возможность проводить кантовское различие «между объективным и субъективным интересом» и по отношению к научной деятельности задает историческую границу, за которой к философам, заинтересованным в соответствующем концепте, присоединяются ученые, голоса и эпистемические тревоги которых по поводу объективности их исследования звучат и в упомянутом выше тексте Л. Дастон и П. Галисона.

Ради какой проблемы трансформируется в XIX в. смысл объективности, в своем истоке отвечавший на проблему связи между различными элементами процесса познания? В ответ на какой существенный вопрос начинает акцентироваться именно смысл, связанный с преодолением случайного, частного, субъективного? Этот смысл, называемый негативным, становится едва ли не основным для философской и исторической рефлексии концепта объективности в современности [Hacking, 2015, p. 24–26; Hoyningen-Huene, 2023; John, 2021, p. 14]. Он присутствует при отождествлении объективности с незаинтересованностью, обезличенностью, преодолением предвзятости, уходом от ценностной ангажированности, свободой от оценочных суждений и т.д. Представляется, что такая трансформация может быть

⁶ В частности, речь может идти о признании *существования* определенных заболеваний, которые только при этом условии могут стать объектом диагностики, лечения, мотивировать создание лекарств. О дискуссиях такого рода, относящихся к признанию объективно существующим заболеваниям слабых когнитивных расстройств, которые могут вести (или нет) к болезни Альцгеймера, отличаясь при этом от нее, см. [Moreira et al., 2009]. В этом случае ответ на вопрос о «признании существующим» оказывается зависимым от силы представленных учеными аргументов.

объяснена осознанием специфики познающего, человеческого интеллекта в его (не)адекватности задаче познания. Коль скоро в Новое время в качестве сущего, подлежащего познанию, предстает окружающий мир в его бесконечности, становится актуальным вопрос о возможном соответствии такой задаче познающего в его конечности и несовершенстве. Именно этот вопрос может объяснить тревоги ученых и философов относительно присутствия человека как субъекта познания в исследовании⁷.

Именно этим набирающим силу негативным смыслом объективности объясняется и то, что она обретает историю, изменяясь в зависимости от того, в какой научной деятельности и какая сторона субъективности ученого оказывается опасной и подлежащей преодолению. При этом негативность смысла может быть истолкована двояко. Во-первых, объективность обнаруживается через свое отсутствие, *нехватку* и, следовательно, «присутствует» в деятельности ученых лишь как предмет стремления, *регулятивный идеал*, но не как описание определенного положения дел⁸. Во-вторых, движение к идеалу обеспечивается *преодолением субъективности*. Эта двойственность, редко попадающая в поле внимания современных исследователей, делает негативный смысл не только способом решения проблемы соответствия человеческого интеллекта задаче познания, но и источником новой проблемы, о которой будет сказано ниже.

В XX в. появляется дополнительный аргумент за внимание к негативному смыслу объективности в форме поиска научной свободы от оценочных суждений. Это аргумент связан с существованием науки как объекта научной политики и с угрозой ее политической ангажированности. Дж. Бернал, обращаясь к социальной истории науки, пишет о первой половине XX в. как о времени, когда влияние

⁷ Задача познания, связанного с универсальностью человеческого рода, осуществляющего власть над *всей* природой для всеобщей пользы, звучит в *Новом Органоне* Бэкона. В этом контексте объяснима актуальность критики несовершенства человеческого познания, его идолов. Также у Декарта заметна интенция преодоления несовершенства чувственного познания, противопоставляемого познанию посредством врожденных идей. Такой смысл объективности присутствует в современной эпистемологии в известном определении В.С. Степиным классической научной рациональности, где ученый, «центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности» [Степин, 2000, с. 633]. Также этот смысл можно обнаружить в понимании объективности как специфической надежности, основанной на том, что риски, связанные с «несовершенством нас как эпистемических агентов, были эффективно преодолены» [Koskinen, 2020, p. 1187].

⁸ С таким статусом объективности связана критика С. Хардинг «слабой объективности» как характеристики уже имеющегося знания, противостоящей «сильной объективности», допускающей и даже требующей своего усиления, максимизации.

результатов научной деятельности на общественное развитие становится неустрашимым и, очевидно, не всегда позитивным. Необходимость внешнего управления научными исследованиями в такой ситуации вызывает ответную реакцию – стремление отстоять научную автономию. В этом контексте можно понять обоснование собственного этоса научного сообщества (Р. Мертон) и его скрытого, не поддающегося внешнему регулированию знания (М. Полани). Здесь же и интенция сохранить объективность как свободу от оценочных суждений, различая позицию ученого на кафедре, способного представлять аудитории неудобные для его субъективной позиции факты, и позицию вождя на трибуне, следующего определенному политическому интересу (М. Вебер). Так к проблеме соответствия конечного субъекта задаче познания бесконечного мира и приобретения трансфинитного знания добавляется проблема отстаивания автономии науки, становящейся очевидной социально-политической силой. К возможным «друзьям концепта» объективности присоединяются ученые не только как исследователи, но и как эксперты, действующие в поле проблематичной связи научной и политической власти. Сама объективность становится характеристикой научного знания и познания в его не столько индивидуальной, сколько социальной природе⁹. При этом легитимируется стремление к знанию, в котором следы присутствия субъективности ученого стерты, то есть процесс совершенствования, предположенный негативным смыслом объективности, завершен. Так возникает соединение объективности и объективизма¹⁰.

Научная объективность в современности: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В результате реагирования на историческое разворачивание проблем познания, имеющих как эпистемологический, так и социальный характер, к XX в. объективность становится эпистемической

⁹ Т. Портер [Porter, 1995], обращаясь к истокам объективности в XIX в. и связывая их с квантификацией оценки результативности науки, объясняет становление доверия числам, с одной стороны, слабостью научного экспертного сообщества и, с другой, демократическими требованиями общественной понятности результатов научной деятельности. Такая объективность также представляет научную деятельность в поле социальных отношений, но при этом преодоление субъективности, присутствующей в оценках экспертов, вносит вклад скорее в создание проблемы автономии науки, но не в ответ на нее.

¹⁰ Объективизм допускает возможность рассматривать знание без отношения к его субъекту. Этот термин близок «объектности описания, т.е. описания реальности такой, как она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю» [Мамчур, 2008, с. 23].

ценностью (Г. Риккерт), придающей всеобщую значимость объектам научного исследования. Она трактуется в качестве результата взаимной критики внутри научного сообщества (К. Поппер). Историки науки видят в ней добродетель ученого, работающего над преодолением собственной субъективности. Философы науки признают ее как критерий научности, свидетельствующий о достаточной обоснованности знания, готового к применению в контексте реализации целей общественного развития. Может быть поставлен вопрос: существует ли связь между этими истолкованиями и может ли выражать ее негативный смысл объективности?

В это же время научная объективность сталкивается с двумя вызовами. Первый – сомнение в релевантности объективности, соединяемой с объективизмом, звучащее как со стороны современных ученых физиков [Мамчур, 2008, с. 23–32], так и со стороны философов. Э. Гуссерль критикует наивность объективизма европейских наук, забывших субъективность, лежащую в их основании и способную на ответственность за их результаты. Представители Франкфуртской школы разоблачают объективность научных законов как новую форму угнетения, дополняющую социально-политическую власть классового общества. Кроме того, подвергается сомнению ключевой смысл объективности, связанной с объективизмом, – ценностная нейтральность. В известной статье Р. Руднера *Ученые как ученые производят ценностные высказывания*, автор показывает неизбежность включения неэпистемических ценностей в основания научных высказываний [Rudner, 1953], открывая работу по возвращению ценностной составляющей в научное знание. Ценности важны, поскольку они заставляют ученых тщательным образом тестировать результаты. Они позволяют ученым сделать выбор определенного объяснения в случае нехватки для этого эпистемических оснований. Ценности в любом случае присутствуют в нормативных научных высказываниях в экономике, медицине, социальных науках. Значимый удар по ценностной нейтральности науки наносит и «разоблачение» некоторых социальных исследований, скрывающих под маской свободы от ценностей служение интересам власти. Это можно сказать, в частности, об антропологии на службе у колониальных властей или о политических исследованиях, занимающихся описанием (оправданием) существующих кризисов. Критика объективизма и ценностной нейтральности не отменяет научную объективность, но делает ее проблематичной. Остается открытым также вопрос о возможности совмещения политической субъектности современной (постнормальной) науки и ее стремления к объективности [Бажанов, Порус, 2021, с. 28–29].

Второй вызов создают для объективности сами исследователи концепта. Кропотливая историческая работа, обращенная к истории научных практик, обнаруживает историческое многообразие и прехо-

дящий характер объективности. Она имеет историю, когда-то возникла в качестве добродетели ученого, но со временем ее место на пьедестале научных ценностей может быть передано другим. Даже признаваемая философами и учеными, она не имеет единого определения и изменяется в зависимости от того, какая черта субъективности угрожает научности знания [Daston, Galison, 2010]. Объективность трактуется в зависимости от контекста, в котором о ней идет речь – гуманитарные науки, общественное признание научного знания, его философская рефлексия или идентификация сообщества в качестве научного [Megill, 1994]. Смысл объективности связывается с тем, в какие отношения с объектом исследования или с другими учеными вступает субъект научного познания [Douglas, 2004]. Философы науки подчеркивают в научной объективности ее «нередуцируемую сложность» или останавливаются на ее конкретном смысле, палитра которых также в высшей степени вариативна – от привычной интерсубъективности [Sciortino, 2021] до повторяемости и воспроизводимости [Gunton et al., 2022]. Почему многообразие смыслов объективности и ее исторический характер могут трактоваться как вызов? В случае такой релятивности каждое «дисциплинарное» и «ситуационное» утверждение объективности становится самодостаточным, что препятствует признанию ее всеми учеными. Следствием отсутствия такой «распределенной объективности» оказывается снижение ее значимости. То, что может быть почти каким угодно, сложно считать тем, что имеет всеобщий характер.

Объективизм и релятивность оказываются следствием исторической трансформации объективности, и они же создают угрозу ее признанию. Может ли существовать объективность без объективизма? Можно ли представить объективность общей, разделяемой многими, но оставить ее исторически и ситуационно конкретной? Ответ на эти вопросы связан с акцентом на отмеченной выше двойственности негативного смысла объективности. С одной стороны, она дана в своей *нехватке*, в процессе стремления к ней, как регулятивный идеал, организующий в определенном смысле научное познание. С другой – сам процесс реализуется как *преодоление* субъективности ученого. Пренебрежение первой стороной негативного смысла, забвение смысла объективности как *регулятивного идеала*, а не как характеристики уже существующего знания приводит к соединению объективности и объективизма, приводит к невозможной, хотя и, возможно, желаемой позиции «взгляда из ниоткуда» (Т. Нагель). Опасность такой ситуации возрастает с верой в ее достижимость. Объективизм, скрывающая идеологическую нагруженность существующих знаний [Kasavin, 2023, p. 19], делает первоначальную посредническую функцию, присутствующую в истоках объективности, избыточной. Соответственно, разотождествление объективности и объективизма может быть связано с возвращением необходимости работы над собой несовершенного

эпистемического субъекта, с возобновлением вопроса о связи этого субъекта с познаваемой реальностью, с подчеркиванием смысла объективности как регулятивного идеала. Не следует ли в этой связи предположить трансформацию и второй стороны негативного смысла – преодоления субъективности познающего?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует уточнить современные коррективы исторического разворачивания проблемы, на которую отвечает концепт объективности, а также предположить существование «друзей концепта», заинтересованных в ее решении.

Научная объективность в современности: новые ответы

Новыми заинтересованными в объективности субъектами во второй половине XX в. становятся ученые, представители социальных и гуманитарных наук. Их голоса не присутствуют отчетливо в поле исследования историков науки, однако их собственная рефлексивная позиция делает очевидной их тревогу по поводу объективности как научности собственных исследований. Ученый гуманитарий интерпретирует свой предмет и потому сталкивается с неизбежным присутствием своей субъективности в отношении к нему¹¹. Социальный ученый отдает себе отчет в возможности подчинения объективности (как объективизма) научной методологии практическим интересам управления конкретным сообществом людей [Lienhardt, 1964, p. 3–4]. Эту тревогу могут разделить с учеными и философы, исследователи науки. Они также обнаруживают себя в дискуссионном поле интерпретаций науки как своего предмета, раскрывающегося в различии понятий нормальности и постнормальности, реализма и конструктивизма, нормативизма и дескриптивизма и т.д. Учет собственной субъективной позиции и преодоление ее неполноты представляется значимым в таких дискуссиях. Кроме того, исследователи науки, так же как и социальные ученые, могут быть обескуражены использованием собственного стремления к созданию объективного образа науки в целях управления ею. Последнее можно отнести, в частности, к использованию наукометрических методов, в научную разработку

¹¹ Это отношение должно не преодолеваться, но учитываться в методологии проведения исследования, при интерпретации стилей художественного произведения или событий прошлого историком [Carrier, 1989], в проведении качественных исследований социологом, при осуществлении включенного наблюдения антропологом и т.д. Истолкованный в широком смысле такой учет становится характеристикой неклассических типов рациональности [Степин, 2000, с. 633–634].

которых внес вклад В. Налимов, при реализации административной оценки эффективности научных исследований.

Заинтересованность в объективности в современности становится заметной, если припомнить и известную историю о дискуссиях в немецком обществе конца прошлого века по поводу исторической памяти¹². Эти дискуссии начались с критики Ю. Хабермасом тезисов немецкого историка Э. Нольте, относящихся к возможности объективного, точнее, объективистского исследования событий Второй мировой войны. Нольте предлагал исследовать национал-социализм без оценочных суждений в контексте всей европейской истории, критиковал распространенные в то время (80-е годы) взгляды о коллективной вине немецкой нации. Публичное столкновение интеллектуалов – сторонников Хабермаса и защитников Нольте – касалось интерпретации фактов в их необходимой связи с ценностями и/или в отсутствие такой связи. Считается, что в этом споре одержала победу сторона левых интеллектуалов во главе с Хабермасом. Важно подчеркнуть, что этот спор о немецкой истории и отношении к ней, в том числе посредством исторической науки, был не столько научным, сколько публичным, а возможными субъектами интереса в нем оказывались не только ученые, но и публика, граждане Германии.

Итак, у сохраняющегося, но изменяющегося в современности концепта объективности есть актуальные и потенциальные «друзья». Ради какой проблемы этот концепт может быть возобновляем? Почему может быть важна объективность, разрывающая с объективизмом, объективность как регулятивный идеал, и к чему она может сегодня вести тех, кто сможет увидеть не только ее опасность, но и спасительное? Проблемный вопрос, на который отвечает стремление к объективности, возобновляет смысл ее истока как посредника между познающим и познаваемым миром, но учитывает исторические дополнения этого смысла. Сформулировать его можно следующим образом: как нам, с различающимися ценностными и познавательными установками, жить в общем мире? Как создавать научно обоснованные представления и как взаимодействовать с предметами нашего знания – с нашим прошлым, нашим человеческим и нечеловеческим (природным и техническим) окружением, отличающимся от нас и отчасти остающимся независимым от нас?

Отвечая на этот вопрос, удерживаясь от объективизма, но стремясь к объективности, мы обращаем внимание на присутствие в науке субъективности и можем учитывать ограничения, которые она производит. При этом, удерживаясь от объективизма, мы понимаем, что полное преодоление этих ограничений невозможно. Потому термин «преодоление» следует заменить на «открытие границ» субъективности, которое, напротив, возможно. Открытие границ субъективности

¹² См. описание этой дискуссии и ее рефлексю в [Лоренц, 2012].

перед лицом другого ученого, другого как непрофессионала, другого как предмета своего исследования предполагает сохранение этих границ, но допускает и даже требует признания иной позиции, во взаимодействии с которой может возникнуть ответ на собственный актуальный вопрос. Открытие границ субъективности не только удерживает от объективизма, но и может стать общим, разделяемым многими смыслом объективности, реализуемым в различных практиках научной коммуникации, в том числе в работе со своим предметным полем. Последнее при этом становится познаваемым, но всегда остается отчасти независимым, поскольку открытие границ не означает их стирания.

В завершение можно привести один пример современного истолкования объективности, отвечающего на такую проблему. Речь идет об объективности ситуационного познания Д. Харауэй. В чем ее специфика и общность с предложенным выше смыслом? В тексте Харауэй очевидно звучит как тревога о «действительном познании мира» науками [Харауэй, 2022, с. 241], апелляция к которому не должна быть забыта, так и забота о преодолении позиций, создающих эпистемические и этические риски. Однако преодолению подлежит не частность, субъективность познающего, но, напротив, абсолютизация частности или ее сокрытие. Вместе с абсолютизацией частности должна преодолеваться позиция релятивиста, останавливающегося на фиксации множественности ценностей и остающегося с «расстройством множественной личности» [Там же, с. 242]. Вместе с сокрытием частности преодолевается позиция «реалиста» (как объективиста), полагающего себя незаинтересованным, познающим с чистого листа. Риски таких позиций – в неспособности к ответственности того, кто их занимает, поскольку как в первом, так и во втором случае нет значимого Другого, перед которым следует отвечать.

Заключение

В чем результат и значение работы с концептом объективности? Условием ее было внимание к творению и развитию концепта, к изменяющейся в истории проблеме, ответом на которую он становится, а также к тем субъектам, для идентичности которых важен этот ответ. В такой работе объективность, во-первых, раскрывается в своих истоках как концепт, отвечающий на проблему связи элементов познания, а не только акцентирует разрыв этих элементов (в случае поиска независимой реальности или всеобщности субъекта). При этом она трактуется в своей посреднической функции. Во-вторых, в своем историческом развитии объективность понимается по преимуществу негативно. В таком понимании она должна оставаться регулятивным

идеалом, а не конститутивной характеристикой уже имеющегося знания. Содержание же процесса стремления к объективности может описываться не как преодоление, но как открытие границ субъективности познающего. В-третьих, объективность признается и объясняется в своей историчности, однако историчность раскрывается не только и не столько как временность и многообразие смыслов, сколько как способность возобновляться в реагировании на трансформирующуюся проблему. Раскрытие современной трансформации проблемы, приводящей к сомнению в объективности, демонстрирует угрозу и слабость концепта объективности, уклоняющейся в объективизм. Демонстрация силы концепта, выражающейся в ответах на трансформирующуюся в истории проблему, дает надежду на то, что и в современности мы окажемся способны на адекватный ответ.

Список литературы

- Вдовина, 2007 – *Вдовина Г.В.* Сущее и реальность в метафизике Франсиско Суареса // Франсиско Суарес. Метафизические рассуждения. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 87–415.
- Гегель, 1974 – *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
- Грифцова, Козлова, 2024 – *Грифцова И.Н., Козлова Н.Ю.* Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 1. С. 122–133.
- Делёз, Гваттари 1998 – *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.
- Дэстон, 2007 – *Дэстон Л.* Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / Ред. Д. Александров, М. Хагнер. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2007. С. 37–71.
- Лоренц, 2012 – *Лоренц К.* Историческое знание и историческая действительность: в защиту «внутреннего реализма» // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1 (№ 69–70). С. 70–81. Вып. 2 (№ 71–72). С. 89–98.
- Мамчур, 2008 – *Мамчур Е.А.* Образы науки в современной культуре. М.: Канон+, 2008. 400 с.
- Порус, Бажанов, 2021 – *Порус В.Н., Бажанов В.А.* Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 15–33.
- Степин 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
- Харауэй, 2022 – *Харауэй Д.* Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32 (1). С. 237–271.

References

Carrier, 1989 – Carrier, D. “Erwin Panofsky, Leo Steinberg, David Carrier: The Problem of Objectivity in Art Historical Interpretation”, *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 1989, vol. 47, no. 4, pp. 333–347.

Cronin, 1956 – Cronin, T.J. *Objective Being: in Descartes' Thought and in a Source of Descartes: Theses PH.D.* Toronto, 1956.

Daston, Galison, 2010 – Daston, L. & Galison, P. *Objectivity*. Zone Books, New York, 2010.

Daston, L. “Nauchnaja objektivnost' so slovami i bez slov” [Scientific Objectivity With and Without Words], in: D. Aleksandrov, M. Hagner (eds.) *Nauka i nauchnost' v istoricheskoy perspective*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Aletejja, 2007, pp. 37–71. (Trans. into Russian)

Dear, 1992 – Dear, P. “From Truth to Disinterestedness in Seventeenth Century”, *Social Studies of Science*, 1992, no. 22, pp. 619–631.

Deleuze, G., Gvattari, F. *Chto takoe filosofija?* [Qu'est-ce que la philosophie]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. (Trans. into Russian)

Douglas, 2004 – Douglas, H. “The Irreducible Complexity of Objectivity”, *Synthese*, 2004, vol. 138, no. 3, pp. 453–473. DOI: 10.1023/b:synt.0000016451.18182.91.

Galison, 2015 – Galison, P. “The Journalist, the Scientist, and Objectivity”, in: F. Padovani, H. Eichardson & Tsou, Y. (eds.) *Objectivity in Science*. Springer, 2015, pp. 57–75.

Goclenii, 1968 – Goclenii, R. “Certitudo”, in: Goclinii, R. *Lexicon Philosophicum*. Darmstadt, Fotocop, 1968 (1613), p. 361.

Griftsova, I.N., Kozlova, N.Ju. “Idei filosofii jazyka R. Karnapa v kontekste konceptual'noj inzhenerii” [Rudolf Carnap's Ideas in Philosophy of Language in the Context of Conceptual Engineering], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2024, vol. 61, no. 1, pp. 122–133. (In Russian.) DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202461111>.

Gunton et al., 2022 – Gunton, R.M., Stafleu, M.D., & Reiss, M.J. “A General Theory of Objectivity: Contributions from the Reformational Philosophy Tradition”, *Foundations of Science*, 2022, vol. 27 (3), pp. 941–955. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10699-021-09809-x>.

Hacking, 2015 – Hacking, I. “Let's Not Talk about Objectivity”, in: F. Padovani, H. Richardson & Tsou, Y. (eds.) *Objectivity in Science*, ed. by Springer, 2015, pp. 19–34.

Haraway, D. “Situativnye znaniya: vopros o nauke v feminizme i preimushhestvo chastichnoj perspektivy” [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective], *Logos*, 2022, vol. 32 (1), pp. 237–271. (Trans. into Russian)

Hegel, G.W.F. *Jenciklopedija filozofskih nauk* [Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse], vol. 1, Nauka logiki. Moscow: Mysl, 1974. (Trans. into Russian)

Hoyningen-Huene, 2023 – Hoyningen-Huene, P. “Objectivity, Value-free Science, and Inductive Risk”, *European Journal for Philosophy of Science*, 2023, vol. 13, article 14. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-023-00518-9>.

John, 2021 – John, S. *Objectivity in Science*. Cambridge University Press, 2021.

Kasavin, 2023 – Kasavin, I. *A Social Philosophy of Science. An Introduction*. Baden-Baden: NOMOS Verlag, 2023.

Koskinen, 2020 – Koskinen, I. “Defending a Risk Account of Scientific Objectivity”, *The British Journal for the Philosophy of Science*, 2020, vol. 71 (4), pp. 1187–1207. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjps/axy053>.

Lienhardt, 1964 – Lienhardt, G. “On the Concept of Objectivity in Social Anthropology”, *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1964, vol. 94, no. 1, pp. 1–10.

Longino, 1990 – Longino, H.E. *Science as a Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton University Press, Princeton, 1990.

Lorenz, Ch. “Istoricheskoe znanie i istoricheskaja dejstvitel’nost’: v zashhitu ‘vnutrennego realizma’” [Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for ‘Internal Realism’], *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, 2012, vol. XIV, iss. 1, no. 69–70, pp. 70–81, iss. 2, no. 71–72, pp. 89–98. (Trans. into Russian)

Mamchur, E.A. *Obrazy nauki v sovremennoj kul’ture*. [Images of Science in Contemporary Culture]. Kanon+, Moscow, 2008. (In Russian)

Megill, 1994 – Megill, A. “Introduction: Four Senses of Objectivity”, in: A. Megill (ed.) *Rethinking Objectivity*. Duke University Press, Durham, London, 1994, pp. 1–20.

Moreira et al., 2009 – Moreira, T., May, C., Bond, J. “Regulatory Objectivity in Action: Mild Cognitive Impairment and the Collective Production of Uncertainty”, *Social Studies of Science*, 2009, vol. 39, no. 5, Biomedical Conventions and Regulatory Objectivity, 2009, pp. 665–690. DOI: <https://doi.org/10.1177/030631270910348>.

Pereira, 2007 – Pereira, J. *Suares: Between Scholasticism and Modernity*. Marquette University Press, Milwaukee, 2007.

Porter, 1995 – Porter, T.M. *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*. Princeton University Press, Princeton, 1995.

Porus, V.N., Bazhanov, V.A. “Postnormal’naya nauka: mezhdru Stilloj neopredelennosti i Kharibdoj politizatsii znaniya” [Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge], *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, vol. 5 (4), pp. 15–33. (In Russian)

Rudner, 1953 – Rudner, R. “The Scientist qua Scientist Makes Value Judgments”, *Philosophy of Science*, 1953, vol. 20 (1), pp. 1–6.

Sciortino, 2021 – Sciortino, L. “The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking”, *Studies in History and Philosophy of Science Part A*, 2021, vol. 88, pp. 128–137. DOI: 10.1016/j.shpsa.2021.06.005.

Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. (In Russian)

Vdovina, G.V. “Sushhee i real’nost’ v metafizike Fransisko Suaresa” [Being and Reality in the Metaphysics of Francisco Suarez], in: Francisco Suarez. *Metafizicheskie rassuzhdenija* [Metaphysical Disputations]. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, Moscow, 2007, pp. 87–415. (In Russian)